

УДК: 93/94: 343.343.35 (470.42)

**ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СОТРУДНИКОВ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В 1918 - 1919 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ СИМБИРСКОГО ГУБЕРНСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА)**

© 2018 М.В. Чигрин

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Статья поступила в редакцию 18.10.2018

Статья посвящена анализу расследования должностных преступлений работников правоохранительных органов Симбирским губернским революционным трибуналом в 1918-1919 гг. Автор затронул актуальную социальную проблему, связанную с получением выгоды с помощью злоупотребления должностными полномочиями. Во время строительства нового государственного аппарата обозначенная проблема приобрела невиданный ранее масштаб, вследствие чего работникам трибунала была поставлена задача – осуществлять расследование в условиях революционного времени дел, связанных с должностными правонарушениями сотрудников правоохранительных органов. Анализ архивных материалов, а именно дел, принятых для рассмотрения Симбирским губернским революционным трибуналом, позволил прийти к выводу, что работники чрезвычайного органа правосудия очень большое значение придавали доведению до судебного процесса именно дел, связанных с должностными преступлениями сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: судебная система, декрет о Суде №1, Симбирский губернский революционный трибунал, должностные преступления, советская милиция, ЧК.

На настоящий момент времени одной из центральных проблем, к которой обращаются историки и праведы, является деятельность органов чрезвычайного правосудия, а именно революционных трибуналов. Данному судебному органу были подсудны следующие категории дел: спекулятивные, должностные, контрреволюционные и прочие. Наибольшая доля дел, рассматриваемых трибуналами, приходилась непосредственно на должностные правонарушения сотрудников созданных советским правительством органов, в том числе и важнейших структур, основной задачей которых являлась защита революционных достижений и советского режима, то есть милиции и ЧК. Исходя из этого Симбирский губернский революционный трибунал, являясь ключевым элементом системы советского правосудия, именно должностным преступлениям сотрудников правоохранительной системы уделял повышенное внимание.

К теме деятельности революционных трибуналов среди исследователей обращались В.В. Абрамов¹, П.П. Федоренко², П.А. Мистрюгов³, О.А. Пьянова⁴, А.В. Макутчев⁵. Деятельность Симбирского революционного трибунала исследователями фактически не затрагивалась, а процесс его становления только частично был рассмотрен в работе Н.Н. Гороховского⁶. Однако большинство моментов на местах при этом осталось незатронутым. В связи с этим данная научная статья позволит ликвидировать существующий пробел.

Чигрин Максим Валерьевич, аспирант кафедры истории. E-mail: maksim-chigrin@mail.ru

В истории Российского государства среди многих социальных проблем на первый план неизменно выдвигается проблема, связанная с получением преступной выгоды с помощью должностного положения. С целью противодействия и искоренения данной проблемы государству постоянно приходится аккумулировать все доступные ресурсы и средства. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, окончательно проблему решить в империи так и не удалось⁷. После Октября 1917 года и окончательного установления советской власти данная проблема вспыхнула с новой силой, в связи с этим повсеместно в новообразованных государственных структурах распространилось взяточничество, физическое и моральное насилие, пьянство, а также халатность⁸. Большинство работников правоохранительных органов и Фемиды, призванных следить за правопорядком, оказались также склонны к злоупотреблению своим служебным полномочием.

Первые годы Советской России характеризовались царившим хаосом, безработицей, низким уровнем жизни граждан, а также отсутствием прочного аппарата у правительства. Все это значительно усиливало у сотрудников правоохранительных органов веру в безнаказанность и всеислие. В ноябре 1917 года было закончено строительство судебной системы, что получило отражение в декрете СНК №1. В соответствии с законодательным актом были организованы народные суды и революционные трибуналы. Народные суды рассматривали гражданские дела, а трибуналы – спекулятивные, уголовные,

должностные и прочие деяния⁹. Осуществление детального анализа архивных источников, не позволило установить точную дату возникновения Симбирского губернского революционного трибунала. При этом получилось выявить дату осуществления выборного процесса в президиум чрезвычайного органа правосудия – 25 февраля 1918 года¹⁰. Исходя из этого можно предположить, что ревтрибунал был создан в феврале, а начал свою деятельность весной 1918 года¹¹.

В состав Симбирского чрезвычайного органа правосудия входили: следственная комиссия, коллегии обвинителей и защитников, кассационный отдел¹². Возглавляли трибунал в рассматриваемый период: И.В. Крылов, С.П. Румянцев¹³. При анализе дел, рассматриваемых трибуналом, было выявлено, что до 22 июля 1918 года он фактически занимался преследованием врагов революции, а должностные преступления правоохранительных органов на повестку дня фактически не выносились. Однако среди сохранившихся дел удалось обнаружить дело, касавшее обвинения служащего Фемиды в должностном правонарушении.

Ф.Е. Бычков, занимавший должность секретаря Карсунского органа чрезвычайного правосудия, во время выполнения своих должностных обязанностей, совершил правонарушение, выразившееся в вымогательстве у родственников подследственного денежных средств. В мае 1918 года его дело было подробно рассмотрено Карсунским ревтрибуналом, где председательствовал Н. И. Гринев, а членами были Н.В. Кулинченко и Д.И. Жаровский¹⁴. По итогам заседаний трибуналом был вынесен приговор: «признать секретаря Бычкова виновным в совершении антисоветского деяния, а именно вымогательства при исполнении им должностных обязанностей. Принимая во внимание его верность партии и заслуги, назначить наказание в виде заключения в тюрьму, сроком на один месяц»¹⁵. Стоит отметить, что Бычков решил воспользоваться своим правом и обжаловать судебный приговор. 10 мая он отправил в Кассационный отдел ревтрибунала прошение о пересмотре приговора. В прошении он отметил, что «выполнял свои должностные обязанности честно и добросовестно, никаких взяток ни с кого не брал, а судебное разбирательство возникло из-за ложного доноса со стороны какого-либо из сотрудников трибунала, имевшего к нему неприязненное отношение...»¹⁶. Кассационный отдел под председательством О.Я. Карклина, рассмотрев более детально дело Бычкова, принял решение отменить вынесенный Карсунским ревтрибуналом приговор, так как имелось множество нарушений со стороны судебного органа. Во-первых, обвинительный приговор был вынесен 10 мая, когда уже на территории всей страны действо-

вало постановление об упразднении уездных трибуналов. Во-вторых, кадровый состав Карсунского ревтрибунала был представлен председателем, его товарищем, а также пятью заседателями, что не соответствовало статье 8 декрета о Суде №1. Дело было передано на рассмотрение Симбирскому губернскому ревтрибуналу, который принял решение оправдать Бычкова, так как «в судебных органах присутствует острая нехватка работников, а правонарушение секретаря незначительное»¹⁷.

В связи с этим есть основания полагать, что у сотрудников уездных чрезвычайных органов правосудия отсутствовал необходимый опыт для работы в юридической сфере, что и приводило к возникновению казусов. Оправдательный характер приговора, в свою очередь, свидетельствует о кадровом «голоде» в правовой сфере, из-за чего обвиняемых работников в правонарушении стремились оправдать.

Симбирский чрезвычайный орган правосудия был вынужден прекратить свою деятельность из-за захвата Симбирска приверженцами КОМУЧа¹⁸. Сотрудники судебного органа с первых же дней стали для белогвардейцев нежелательными элементами и подверглись преследованию. Некоторым служащим советской Фемиды удалось скрыться, однако председатель трибунала Крылов принял решение остаться в городе и уничтожить особо ценные бумаги, а именно список состава чрезвычайного органа правосудия и дела¹⁹. Уничтожив ценные сведения и отправив семью на пароходе, он попытался покинуть оккупированный город и был схвачен приверженцами КОМУЧа на его окраине. Председатель трибунала как враждебный элемент после проведения коротких следственных мероприятий был расстрелян 26 июля в Стрижевом овраге²⁰.

После восстановления в губернии советской власти был восстановлен 1 сентября и Симбирский чрезвычайный орган правосудия. В первые же дни сотрудники ревтрибунала стали преследовать возможных врагов советской власти, к большинству из которых применяли, руководствуясь законодательным актом «О красном терроре», смертную казнь (расстрел)²¹.

Если рассматривать общую численность дел, касавшихся должностных правонарушений сотрудников правоохранительных органов в первый год работы трибунала, то можно ее охарактеризовать как малочисленную. Большинство дел оказалось уничтоженным, что не предоставляло возможности для работников чрезвычайного органа правосудия продолжить следственные мероприятия. Кроме этого после восстановления Симбирского трибунала было принято решение ряд сохранившихся дел рассмотреть в первый квартал следующего года.

В 1919 году количество дел, расследуемых Симбирским чрезвычайным органом правосудия, касавшихся должностных преступлений сотрудников правоохранительных органов, значительно увеличилось. Всего было расследовано 957, среди которых контрреволюционной направленности – 193, о спекуляции – 29, должностных – 236, прочих – 499²². При этом среди должностных дел доля правонарушений сотрудников правоохранительных органов составляла около 15%. По результатам расследования было прекращено – 315 дел, передано по подсудности – 381, окончено – 261²³. Исходя из этого среди всех дел трибуналом было доведено до завершающей стадии лишь 27,7%, при этом около 39,8% передавалось в ведение Народного суда. При этом доля доведения до завершающей стадии дел, касавшихся сотрудников правоохранительных органов, составляет около 70%, а около 20% передаются в народный суд²⁴. Из сказанного следует, что для чрезвычайного органа правосудия доведение расследования до завершающей стадии в отношении сотрудника правоохранительных органов становится актом «пролетарской справедливости».

Должностные правонарушения, совершенные сотрудниками правоохранительных органов, можно подразделить на ряд категорий: 1) преступления, имевшие корыстный умысел; 2) преступления против служебных интересов; 3) преступления с превышением должностных полномочий.

Непосредственно на протяжении 1919 года среди общего количества должностных правонарушений сотрудников правоохранительных органов преобладали деяния, в которых сотрудники считались виновными в халатном отношении к службе, чрезмерном употреблении алкогольных напитков, а также превышении должностных полномочий. Исходя из вышеизложенного возникает необходимость рассмотреть детально наиболее типичные случаи.

Будучи начальником склада и милиционером 2-го района, 23 апреля 1919 года Федор Иванович Иванов стоял на посту у входа в склад механической фабрики и совершил преступление, выразившееся в халатности и допуске к снятию печати с двери заведующим фабрики Сорокиным. Согласно протоколу дела, товарищ Иванов, увидев Федора Алексеевича Сорокина, представившегося заведующим фабрики и пытавшегося снять печать с двери, а также допустить к работе около 200 рабочих, потребовал у него подтверждающую бумагу, которую тот не смог представить²⁵. Иванов, руководствуясь революционным временем, пустил в ход оружие с целью воспрепятствовать противоправным деяниям Сорокина. В результате пострадали двое рабочих. Заведующий механической фабрикой, несмотря на неодно-

кратные предупреждения и угрозу применения силы, демонстративно отстранил Иванова от двери и сорвал печать²⁶. Милиционер попытался не пустить рабочих, однако ему помешали служащие фабрики, незамедлительно собравшиеся по зову заведующего Сорокина и обкидывавшие Иванова шифером, железом и досками. После окончания допроса свидетелей Ф.И. Иванова и Ф.А. Сорокина дело было передано в революционный трибунал²⁷. 23 сентября 1919 года состоялось судебное заседание, по итогам которого был вынесен трибуналом следующий приговор: «дело по обвинению товарища Иванова передать в Народный суд, так как оно не имеет серьезного политического оттенка». Стоит отметить, что в дальнейшем товарищ Иванов, а также привлеченный к ответственности и заведующий Сорокин ограничились выговором²⁸.

Ермолаев Иван Алексеевич, занимая должность младшего милиционера 5-го района Симбирского Управления Советской городской Рабоче-Крестьянской милиции, принял участие в преступном деянии, выразившемся во взятии взятки совместно с сотрудником Василием Фомичевым. Согласно протоколу дела, Василий Фомичев и Иван Ермолаев пришли к советскому гражданину Владимиру Ворсину и по своей инициативе решили провести у него обыск. Вскоре после проведения обыска Фомичев обнаружил у Ворсина бутылку спирта и, представляясь работником Симбирской чрезвычайной комиссии, незамедлительно изъял ее²⁹. В это время милиционер Ермолаев никаких действий с целью предотвращения преступного деяния Фомичева не предпринимал. На изъятии литровой бутылки спирта Фомичев не остановился и потребовал у Ворсина тысячу рублей, угрожая применением силы. Ворсин отдал Фомичеву тысячу рублей, из которых тот отдал 250 рублей Ермолаеву. Ермолаев денег брать не хотел, но Фомичев решительно настоял, тем самым дискредитировал облик советского милиционера. После окончания допроса обвиняемых дело было передано в революционный трибунал. Во время проведения следственных мероприятий Фомичев сбежал из-под стражи, угрожая отобранным у охранника револьвером³⁰. 2 августа 1919 года состоялось судебное заседание, по итогам которого был вынесен трибуналом следующий приговор: «Фомичев Василий признается виновным в самозванстве, в превышении должностных полномочий и в взятке, в угрозе револьвером, а также в побеге из-под стражи. Ввиду того, что Ворсин так и не был обнаружен, требуется предпринять усилия для его поимки. Иван Ермолаев обвиняется в содействии Фомичеву и взятии взятки. Гражданин Ворсин – в даче взятки. Дело рекомендуется немедленно передать в Народный суд, для вынесения приговора»³¹. Стоит от-

метить, что в дальнейшем товарищ Ермолаев, а также привлеченный к ответственности Ворсин ограничились строгим выговором, а Фомичева так и не удалось поймать³².

Кроме этого, чрезвычайный орган правосудия рассмотрел и дело в отношении начальника 4-го района милиции Курмышского уезда Толмачева, обвиняемого в должностном преступлении, выразившемся в распитии спиртных напитков. Согласно протоколу допроса жены Толмачева, в квартиру начальника 4-го района милиции 23 мая 1919 года около 12 часов ночи пришли восемь вооруженных красноармейцев во главе с инструктором Антановским, при этом двое служащих остались на улице³³. Вошедшие были очень грубы и стали требовать самогонку, а также огонь для того, чтобы прикурить. Не найдя огня и изъяв две бутылки самогонки, они стали угрожать Толмачеву арестом и отравлением. После чего они направились с Толмачевым в соседнюю комнату, где избили его плеткой. По итогам судебного заседания трибуналом был вынесен следующий приговор: «Красноармейцев, виновных в противоправных мероприятиях в отношении Толмачева наказать, назначив им лагерные работы на двухлетний срок. Толмачева, обвиняемого в должностном преступлении, а именно в распитии спиртных напитков подвергнуть выговору»³⁴.

В 1919 году впервые Симбирский революционный трибунал вынес на рассмотрение ряд дел, касавшихся должностных правонарушений сотрудников ЧК. Логично считать, что в 1918 году расследования в отношении сотрудников чрезвычайной комиссии не проводились прежде всего по следующим причинам: во-первых, революционный трибунал, образованный в феврале 1918 года, формально приступил к работе только в марте и вскоре после захвата Симбирска сторонниками КОМУЧа возобновил деятельность лишь осенью, во-вторых расследования в отношении сотрудников органа, отвечающего за обеспечение безопасности, не проводились из-за нежелания партийных структур очернить в глазах граждан моральный облик чекистов.

Безусловно, стоит рассмотреть подробнее наиболее резонансные судебные процессы. Иван Белов, служащий в батальоне ЧК, обвинялся в преступлении, выразившемся в употреблении алкогольных напитков и совершении насильственных мер в отношении членов партии³⁵. Согласно протоколу допроса, проводившегося в Симбирской ЧК, Белов получил от командира увольнение сроком на 8 дней, а именно с 19 декабря по 27 декабря 1918 года³⁶. После завершения увольнения он в распоряжение ЧК не явился, что было связано с неумеренным употреблением спиртных напитков. При употреблении напитков сотрудник ЧК в ходе

ссоры угрожал партийному работнику Бочкареву, а также гражданину Михееву избиением и расстрелом. После установления фактов преступления дело было передано в ревтрибунал, где 4 апреля 1919 г. был вынесен приговор: «...указанное дело следует приостановить, так как совершенный Беловым поступок не несет контрреволюционной угрозы, а его освободить и отправить для искупления вины на первые позиции фронта»³⁷.

Политинструктор Симбирской ЧК В.Ф. Крестин обвинялся в совершении разгрома квартиры при обыске в деревне Новое-Еркеево Сендюковской волости и присвоении незаконном присвоении имущества, без надлежащего уведомления представителей Уездного исполкома³⁸. Крестин был виновен также в покровительстве гражданину Минееву, жителю деревни Сендюково, уклонявшемуся от уплаты налога с водяной мельницы, в избиении крестьян, а также в запугивании членов Волостного совета. 23 сентября 1919 года трибуналом был вынесен приговор: «Крестин, признается виновным, однако учитывая его заслуги перед партией подлежит амнистии»³⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что выносимые трибуналом приговоры имели характерный несправедливый оттенок, так как несмотря на тяжесть проступка были очень мягки. Столь мягкое наказание можно объяснить стремлением работников трибунала сохранить авторитет сотрудников чрезвычайной комиссии.

Стоит отметить, что среди множества приговоров в отношении сотрудников ЧК встречались и довольно строгие. В связи с этим, стоит привести ряд примеров.

Поляков, Регут, Зарин, занимая высокие посты в Чрезвычайной комиссии, обвинялись в должностном преступлении. Поляков, занимая должность председателя чрезвычайной комиссии, осуществлял незаконную выдачу гражданам документов, а также использовал свое служебное положение с целью личного обогащения за счет изъятых у граждан в ходе обысков вещей⁴⁰. Зарин обвинялся в незаконном присвоении им изъятого у подозреваемого Августа бриллианта и несообщении данного факта председателю комиссии. Регут являлся сообщником Зарина, так как совершил раздел изъятых бриллиантов между агентами ЧК, которые производили обыски у граждан Августа и Омедзе. Данный случай стал одним из самых резонансных, в связи с этим работники трибунала при рассмотрении дела руководствовались законами революционного времени. В результате в мае 1919 года трибуналом был вынесен приговор: «Полякова ввиду признания вины приговорить к 10 годам условно с отправкой на фронт, с целью искупить провинность перед государством, при этом на

этот срок исключить его из рядов партии. Зарина и Регута, приговорить к 2 и 5 лет условного лишения свободы соответственно, с аналогичной формулировкой»⁴¹.

Волков Николай Иванович, занимая должность осведомителя Оперативного отдела в Симбирской губернской ЧК, обвинялся в дезертирстве и должностном преступлении, выразившемся в изготовлении за вознаграждение поддельных документов другим гражданам, желавшим получить освобождение от военной службы. Согласно протоколу дела, Волков был мобилизован 11 мая 1919 года, а когда его часть отправлялась на фронт, он украл во время своего дежурства из канцелярии штаба Артиллерийской батареи бланк-литер для проезда по железной дороге⁴². Волков обратился за помощью к давнему знакомому из села Пимурзина, Москееву Александру Васильевичу, с просьбой подделать печать. После изготовления подложных документов для себя и пятерых своих товарищей они дезертировали из части, а затем отправились в Буинск, где сообщили делопроизводителю Уездвоенкомата В. Г. Дворову, что у них есть необходимая печать и нужен лишь пропуск, который им незамедлительно был выдан⁴³. Волков в июне 1920 года поступил на работу осведомителем Симбирской ЧК, где продолжил заниматься изготовлением подложных документов. За свои услуги он брал вознаграждение как деньгами, так и продуктами. Например, Самойлин заплатил 30000 рублей, Вьюнов – 15000, Наместников – 20000 рублей и 20 яиц, Карпеев – 10000 рублей. Волков брал деньги через подставных лиц⁴⁴. Его сообщниками были: Десятков, Сергеев и Дворов, Шатров. В июле 1919 года состоялся ряд судебных заседаний, по итогам которых был вынесен Симбирским ревтрибуналом следующий приговор: «Волков, как злостный нарушитель дискредитировавший советскую власть, а также бросивший тень на доброе имя ЧК, приговаривается к 15 годам тюремного заключения, как и его сообщник Дворов. Десятков, ввиду его заслуг перед советской властью – к общественному порицанию»⁴⁵.

Таким образом, сравнительный анализ дел, рассмотренных Симбирским революционным трибуналом в 1918 и 1919 годах, позволяет охарактеризовать данный чрезвычайный орган правосудия как производительное звено властной машины. Симбирский губернский революционный трибунал, рассматривая дела, касавшиеся должностных преступлений граждан, стремился довести их до логического завершения, что должно было способствовать пресечению каких-либо возможных деструктивных проявлений среди милиционеров и чекистов. Характер приговора зачастую был достаточно мягким, если правонарушение сотрудника не

угрожало интересам советской власти. Особо строгие приговоры выносились, как правило, работникам, занимавшим высокие посты в правоохранительных органах и обвиняемым в превышении должностных полномочий.

В целом работу Симбирского революционного трибунала можно считать продуктивной, однако преобладающее количество приговоров сотрудникам правоохранительных органов, носивших достаточно мягкий характер, подрывало веру у советских граждан в честный и беспристрастный революционный суд.

Данная работа рассматривает лишь один из аспектов проблемы расследования Симбирским революционным трибуналом должностных преступлений в 1918 - 1919 годы, а именно правонарушения работников правоохранительных органов. Исследования в этом направлении могут быть продолжены, поскольку представляют научный интерес также и должностные преступления работников партийного аппарата, военных ведомств, а также работников предприятий. Все это позволит более точно и ярко показать процесс рассмотрения Симбирским губернным трибуналом должностных преступлений и выявить характерную особенность в зависимости от конкретной группы обвиняемых.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Абрамов В.В.* Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918-1922 гг.): по материалам Пензенской губернии: дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2004. 283 с.
- ² *Федоренко П.П.* Революционные трибуналы Смоленской губернии: декабрь 1917-1922 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2006. 238 с.
- ³ *Мистрюгов П.А.* Местные чрезвычайные структуры советской власти в 1918-1922 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2015. 356.
- ⁴ *Пьянова О.А.* Революционные трибуналы Западной Сибири (конец 1917 - начало 1923 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. 256 с.
- ⁵ *Макутчев А.В.* Тульский губернский революционный трибунал в 1918-1923 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011. 229 с.
- ⁶ *Гороховский Н.Н.* Становление и правовой статус военных трибуналов в Среднем Поволжье: дисс. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004. 161 с.
- ⁷ *Мухамедов Р.А., Емелин П.Е.* Фронтовые, полковые (отрядные) и ротные товарищеские суды // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т.15. №5. С.64.
- ⁸ *Пашкин А.Г., Забалухина Н.В.* Симбирский - Ульяновский край в новейшей истории России. 1917-1991. Люди, события, факты. Ульяновск: Корпорация технологического продвижения, 2012. С.9.
- ⁹ Декрет СНК о суде №1 от 24 ноября 1917 г. // Собрание Постановлений Правительства. 1917-1918. №4. С.137.
- ¹⁰ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. Р-336. Оп.1. Д.4. Л.11.

- ¹¹ ГАУО. Ф. Р-336. Оп.1. Д.4. Л.12.
- ¹² Инструкция НКЮ РСФСР «Об организации коллегий правозаступников при революционных трибуналах» от 19 декабря 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. №12. С.68.
- ¹³ ГАУО. Ф. Р-336. Оп.1. Д.4. Л.12.
- ¹⁴ Там же. Ф. Р-125. Оп.2. Д.50. Л.15.
- ¹⁵ Там же. Л.8.
- ¹⁶ Там же. Л.11.
- ¹⁷ Мухамедов Р.А., Архипов Д.В. Структурно-административная перестройка Средневолжской области // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. №1 (45). С.64-67.
- ¹⁸ Крыленко Н.В. Революционные трибуналы // Вестник жизни. 1918. №1. С.81.
- ¹⁹ Блохинцев А.Н. Именем ревтрибунала... // Комиссары огненных лет: борцы за власть Советов на родине В.И. Ленина. Ульяновск, 1977. С.108.
- ²⁰ Там же. С.112.
- ²¹ Пашкин А.Г., Забалухина Н.В. Симбирский - Ульяновский край в новейшей истории России. 1917-1991. Люди, события, факты. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С.16.
- ²² ГАУО. Ф. Р-180. Оп.3. Д.19. Л.112.
- ²³ Там же. Л.113.
- ²⁴ Там же. Л.115.
- ²⁵ ГАУО. Ф. Р-1048. Оп.2. Д.27. Л.5.
- ²⁶ Там же. Л.29.
- ²⁷ Там же. Л.24.
- ²⁸ Мухамедов Р.А., Архипов Д.В. Процесс административно-территориального устройства Ульяновского округа Средне-волжской области. Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т.19. №3. С.90-93.
- ²⁹ ГАУО. Ф. Р-125. Оп.2. Д.130. Л.1.
- ³⁰ Там же. Л.17.
- ³¹ Там же. Л.25.
- ³² Там же. Л.28.
- ³³ ГАУО. Ф. Р-125. Оп.2. Д.219. Л.3.
- ³⁴ Мухамедов Р.А. Власть советов и первые социалистические преобразования в Симбирской губернии в 1917-1919 гг. // Трансформация Российского общества в условиях социально-политических катаклизмов: история и современность (к 100-летию Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революций): сборник материалов межвузовской научной конференции. М., 2017. С.135-142.
- ³⁵ ГАУО. Ф. Р-1048. Оп.2. Д.27. Л.2.
- ³⁶ Там же. Л.9.
- ³⁷ Там же. Л.17.
- ³⁸ ГАУО. Ф. Р-1048. Оп.2. Д.6. Л.6.
- ³⁹ Мухамедов Р.А., Вильчик А.А. Административно-территориальная реформа на примере Симбирской (Ульяновской) губернии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т.17. №3. С.104-107.
- ⁴⁰ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (далее – ГАНИУО). Ф.1. Оп.1. Д.157. Л.15.
- ⁴¹ ГАНИУО. Ф.1. Оп.1. Д.157. Л.54.
- ⁴² Там же. Л.15.
- ⁴³ Там же. Л.54.
- ⁴⁴ Там же. Л.51.
- ⁴⁵ Там же. Л.112.

**OFFICIAL CRIMES OF EMPLOYEES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN 1918-1919
(BASED ON THE MATERIALS OF THE SIMBIRSK PROVINCIAL REVOLUTIONARY TRIBUNAL)**

© 2018 M.V. Chigrin

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov

The article is devoted to the analysis of the Simbirsk Provincial Revolutionary Tribunal investigations of official malfeasances of law enforcement officers in 1918-1919. The author has touched upon a current social problem related to obtaining benefits through abuse of official authority. In the times of the building of the new state apparatus, the designated problem acquired an unprecedented scale, due of which the staff of the tribunal were tasked to investigate cases related to official misconduct of law enforcement officers in revolutionary times. The analysis of archival materials, namely the cases accepted for consideration by the Simbirsk Provincial Revolutionary Tribunal, allowed to conclude that employees of the emergency justice body attached great importance to bringing cases of official malfeasances of law enforcement officers to trial.

Keywords: judicial system, Decree on Court No 1, Simbirsk province revolutionary tribunal, official malfeasances, Soviet Militsiya, Provincial Extraordinary Commission.